

ЭРАЗМ
РОТТЕРДАМСКИЙ

ПОХВАЛА ГЛУПОСТИ

Эразм (Дезидерий) Роттердамский

Похвала глупости

Серия «Вся мудрость мира»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25014133

Похвала глупости / Эразм Роттердамский: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-102788-9

Аннотация

Эразм Роттердамский – нидерландский ученый, писатель, первый издатель Нового Завета на греческом языке. «Похвала глупости», также «Похвальное слово Глупости» (лат. *Moriae Encomium, sive Stultitiae Laus*) написана в 1509 г. в доме Томаса Мора, фамилию которого сатирик и обыграл в названии сочинения. В первый раз сочинение было издано в 1511 г. Со времени появления печатного станка это был первый случай поистине колоссального успеха печатного произведения. И вот уже более 500 лет тысячи образованных людей продолжают зачитываться этой гениальной шуткой остроумнейшего из ученых северного Возрождения!

Содержание

Предисловие автора	5
Глава I	12
Глава II	13
Глава III	14
Глава IV	18
Глава V	19
Глава VI	20
Глава VII	22
Глава VIII	24
Глава IX	25
Глава X	28
Глава XI	29
Глава XII	31
Глава XIII	33
Глава XIV	39
Глава XV	42
Глава XVI	47
Глава XVII	50
Глава XVIII	52
Глава XIX	53
Глава XX	56
Глава XXI	57
Глава XXII	59

Глава XXIII	61
Глава XXIV	63
Глава XXV	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Эразм (Дезидерий) Роттердамский Похвала глупости

Предисловие автора

*Эразм Роттердамский
своему милому Томасу Мору – привет.*

В недавние дни, возвращаясь из Италии в Англию и не желая, чтобы время, проводимое на лошади, расточалось в пустых разговорах, чуждых музам и литературе, я либо размышлял о совместных ученых занятиях, либо наслаждался мысленно, вспоминая о покинутых друзьях, столь же ученых, сколь любезных моему сердцу. Между ними и ты, милый Мор, являлся мне в числе первых: вдали от тебя я не менее наслаждался воспоминаниями, нежели, бывало, вблизи – общением с тобою, которое, клянусь, слаще всего, что мне случалось отведать в жизни. И вот я решил заняться каким-нибудь делом, а поскольку обстоятельства не благоприятствовали предметам важным, то и задумал я сложить похвальное слово Глупости. «Что за Паллада внушила тебе эту мысль?» – спросишь ты. Прежде всего, навело меня на эту

мысль родовое имя Мора, столь же близкое к слову мория, сколь сам ты далек от ее существа, ибо, по общему приговору, ты от нее всех дальше. Затем мне казалось, что эта игра ума моего тебе особенно должна прийтись по вкусу, потому что ты всегда любил шутки такого рода, иначе говоря – ученые и не лишённые соли (ежели только не заблуждаюсь я в оценке собственного моего творения), и вообще не прочь был поглядеть на человеческую жизнь глазами Демокрита. Хотя по исключительной прозорливости ума ты чрезвычайно далек от вкусов и воззрений грубой толпы, зато благодаря необыкновенной легкости и кротости нрава можешь и любишь, снисходя до общего уровня, играть роль самого обыкновенного человека. А значит, ты не только благосклонно примешь эту мою ораторскую безделку, эту памятку о твоём товарище, но и возьмешь ее под свою защиту; отныне, тебе посвященная, она уже не моя, а твоя.

Найдутся, быть может, хулители, которые станут распространять клевету, будто легкие эти шутки не к лицу теологу и слишком язвительны для христианского смирения; быть может, даже обвинят меня в том, что я воскрешаю древнюю комедию или, по примеру Лукиана, подвергаю осмеянию всех и каждого. Но пусть те, кого возмущают легкость предмета и шутливость изложения, вспомнят, что я лишь последовал примеру многих великих писателей. Сколько веков тому назад Гомер воспел Батрахомиомахию, Марон – комара и чес-

ночную закуску, Овидий – орех! Поликрат написал похвальное слово Бусириду, которое затем исправил Исократ, Главк восхвалял неправосудие, Фаворин – Терсита и перемежающуюся лихорадку, Синесий – лысину. Лукиан – муху и блоху, Сенека сочинил шуточный апофеоз Клавдия, Плутарх – разговор Грилла с Улиссом, Лукиан и Апулей – похождения осла и уже не помню кто – завещание поросенка по имени Грунный Корокотта, о чем упоминает св. Иероним.

Если же всего этого мало, то пусть вообразят строгие мои судьи, что мне пришла охота поиграть в бирюльки или поехать верхом на длинной хворостине. В самом деле, разрешая игры людям всякого звания, справедливо ли отказывать в них ученому, тем более если он так трактует забавные предметы, что читатель, не вовсе бестолковый, извлечет отсюда более пользы, чем из иного педантского и напыщенного рассуждения? Вот один в терпеливо составленной из разных кусков речи прославляет риторику и философию, вот другой слагает хвалы какому-нибудь государю, вот третий призывает к войне с турками. Иной предсказывает будущее, иной поднимает новые вопросы – один другого пустячнее и ничтожнее. Но ежели ничего нет нелепее, чем трактовать важные предметы на вздорный лад, то ничего нет забавнее, чем трактовать чушь таким манером, чтобы она отнюдь не казалась чушью. Конечно, пусть судят меня другие: однако коль скоро не вконец обольстила меня Филавтия, то сдастся мне,

что я восхвалял Глупость не совсем глупо. Что же касается пустого упрека в излишней резкости, то отвечу, что всегда дозволено было безнаказанно насмеяться над повседневной человеческой жизнью, лишь бы эта вольность не переходила в неистовство. Весьма дивлюсь я нежности современных ушей, которые, кажется, ничего не выносят, кроме торжественных титулов. Немало также увидишь в наш век таких богомоллов, которые скорее стерпят тягчайшую хулу на Христа, нежели самую безобидную шутку насчет папы или государя, в особенности когда дело затрагивает интересы кармана. Но если кто судит жизнь человеческую, не называя имен, то почему, спрошу я, видеть здесь непременно язвительное издевательство, а не наставление, не увещание? А в противном случае сколь часто пришлось бы мне обращаться с укорами и порицаниями к самому себе! И, наконец, кто не щадит ни одного звания в роде людском, тот ясно показывает, что не против отдельных лиц, а только против пороков он ополчился. Итак, если кто теперь станет кричать, жалуясь на личную обиду, то лишь выдаст тем свой страх и нечистую совесть. Куда вольней и язвительней писал св. Иероним, не щадивший и имен порою! Я же не только избегал повсеместно имен собственных, но сверх того старался умерить всячески слог, дабы разумному читателю сразу же было понятно, что я стремлюсь скорее к смеху, нежели к злomu глумлению. Я не хотел по примеру Ювенала ворошить сточную яму тайных пороков и охотнее выставлял напоказ смешное, нежели

гнусное.

Того, кто не удовлетворится всем сказанным, прошу вспомнить для утешения, что весьма почтенно служить жертвою нападок Глупости, от лица которой я взял слово. Впрочем, стоит ли говорить все это такому искусному адвокату, как ты; и без того ты сумеешь отстоять наилучшим образом даже и не столь правое дело. Прощай же, мой красноречивейший Мор, и Морию твою защищай всеусердно.

Писано в деревне, 10 июня 1508 г.

MAGNI
DES. ERASMI
Roterodami
VITA.
Accedunt
EPISTOLE ILLUSTRES.

Глупость говорит:

Глава I

Пусть грубые смертные толкуют обо мне, как им угодно, – мне ведомо, на каком худом счету Глупость даже у глупейших, – все же я дерзаю утверждать, что мое божественное присутствие, и только оно одно, веселит богов и людей. Наилучшее тому доказательство – перед вами: едва взошла я на кафедру в этом многолюдном собрании, как все лица просияли небывалым, необычайным весельем, все подались вперед и повсеместно раздался радостный, ликующий смех. При взгляде на вас кажется мне, будто я вижу богов Гомеровых, охмелевших от нектара, настоящего на непенте, а ведь только что вы сидели печальные и озабоченные, словно воротились недавно из Трофониевой пещеры. Подобно тому как утреннее солнце, показывающее земле свой прекрасный золотой лик, или как ранняя весна, веющая приятными зефирами после суровой зимы, всему сообщают новый цвет и вид и новую юность, так и у вас при взгляде на меня совсем иными сделались лица. В то время как даже великие риторы лишь при помощи длинной, старательно обдуманной речи понуждают вас стряхнуть с души тяжелые заботы, я достигла этого сразу, единым моим появлением.

Глава II

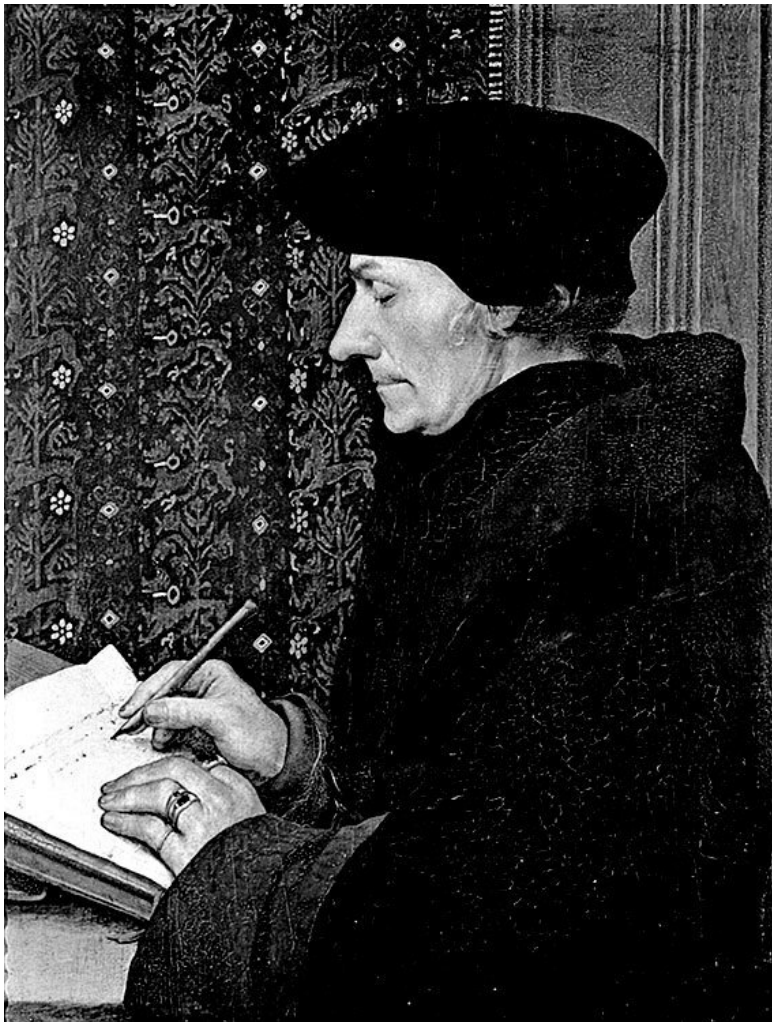
Чего ради выступаю я сегодня в несвойственном мне облики, об этом вы узнаете, ежели будете слушать внимательно, – не так, как слушают церковных проповедников, но как внимают рыночным скоморохам, шутам и фиглярам или так, как наш друг Мидас слушал некогда Пана. Ибо захотелось мне появиться перед вами в роли софиста, но только – не одного из тех, которые ныне вколачивают в головы мальчишкам вредную чушь и научают их препираться с упорством, более чем бабьим. Нет, я хочу подражать тем древним грекам, которые, избегая позорной клички мудрецов, предпочли назваться софистами. Их тщанием слагались хвалы богам и великим людям. И вы тоже услышите сегодня похвальное слово, но не Гераклу и не Солону, а мне самой, иначе говоря – Глупости.

Глава III

Воистину не забочусь я нисколько о тех любомудрах, которые провозглашают дерзновеннейшим глупцом всякого, кто произносит хвалы самому себе. Ладно, пусть это будет глупо, если уж им так хочется, – лишь бы зазорно не было. Кому, однако, как не Глупости, больше подобает явиться трубачом собственной славы и самой себе подыгрывать на флейте? Кто может лучше изобразить меня, нежели я сама? Разве что тот, кому я известна ближе, нежели себе самой! Сверх того, действуя таким образом, я почитаю себя скромнее большинства великих и мудрых мира сего. Удерживаемые ложным стыдом, они не решаются выступить сами, но вместо того нанимают какого-нибудь продажного риторика или поэта-пустозвона, из чьих уст выслушивают похвалу, иначе говоря – ложь несусветную. Наш смиренник распускает хвост, словно павлин, задирает хохол, а тем временем бесстыжий льстец приравнивает этого ничтожного человека к богам, выставляет его образцом всех доблестей, до которых тому, как до звезды небесной, далеко, наряжает ворону в павлиньи перья, старается выбелить эфиопа и из мухи делает слона. Наконец, я применяю на деле народную поговорку, гласящую:

«Сам выхваляйся, коли люди не хвалят».

Не знаю, чему дивиться – лености или неблагодарности смертных: хотя все они меня усердно чтут и охотно пользуются моими благодеяниями, никто, однако, в продолжение стольких веков не удосужился воздать в благодарственной речи похвалу Глупости, тогда как не было недостатка в охотниках сочинять, не жалея лампового масла и жертвуя сном, напыщенные славословия Бусиридам, Фаларидам, перемежающимся лихорадкам, мухам, лысынам и тому подобным напастям. От меня же вы услышите речь, не подготовленную заранее и не обработанную, но зато тем более правдивую.

Портрет Эразма Роттердамского. Гольбейн, Ханс

(Младший). Первая четверть XVI в. Лувр

Глава IV

Не хотелось бы мне, чтобы вы заподозрили меня в желании блеснуть остроумием по примеру большинства ораторов. Ведь те, – дело известное, – когда читают речь, над которой бились лет тридцать, а иногда так и вовсе чужую, то дают понять, будто сочинили ее между делом, шутки ради, в три дня, или просто продиктовали невзначай. Мне же всегда особенно приятно было говорить то, что в голову взбредет. И да не ждет никто, чтобы я по примеру тех же заурядных риториков стала предлагать вам здесь точные определения, а тем более разделения. Ибо как ограничить определениями ту, чья божественная сила простирается так широко, или разделить ту, в служении которой объединился весь мир? Да и вообще, к чему выставлять напоказ тень мою или образ, когда вот я сама стою здесь перед вами? Видите? Вот я, Глупость, щедрая подательница всяческих благ, которую латиняне зовут Стультицией, а греки Морией.

Глава V

Да и вообще – нужны ли здесь слова? Разве само чело мое и лик, как говорится, не достаточно свидетельствуют о том, кто я такая? Если бы кто даже и решился выдать меня за Минерву или за Софию, мое лицо – правдивое зеркало души – опровергло бы его без долгих речей. Нет во мне никакого притворства, и я не стараюсь изобразить на лбу своем то, чего нет у меня в сердце. Всегда и всюду я неизменна, так что не могут скрыть меня даже те, кто изо всех сил старается присвоить себе личину и титул мудрости, – эти обезьяны, рядящиеся в пурпур, и ослы, щеголяющие в львиной шкуре. Пусть притворствуют как угодно: торчащие ушки все равно выдадут Мидаса. Неблагодарна, клянусь Гераклом, и та порода людей, которая всего теснее связана со мною, а между тем при народе так стыдится моего имени, что даже попрекает им своих ближних, словно бранною кличкой. Эти глупейшие из глупцов хотят прослыть мудрецами и Фалесами, но можно ли назвать их иначе, как *глупомудралами*?

Глава VI

Как видите, мне действительно захотелось подражать риторам нашего времени, которые считают себя уподобившимися богам, если им удастся прослыть двуязычными, наподобие пиявок, и которые полагают верхом изящества пересыпать латинские речи греческими словечками, словно бубенцами, хотя бы это и было совсем некстати. Если же не хватает им заморской тарабарщины, они извлекают из полустлевших грамот несколько устарелых речений, чтобы пустить пыль в глаза читателю. Кто понимает, тот тешится самодовольством, а кто не понимает, тот тем более дивится, чем менее понимает. Ибо нашей братии весьма приятно бывает восхищаться всем иноземным. А ежели среди невежественных слушателей и читателей попадутся люди самолюбивые, они смеются, рукоплещут и, на ослиный лад, помачивают ушами, дабы другие не сочли их несведущими. Да, именно так.

Теперь возвращаюсь к главному предмету моей речи.

Глава VII

Итак, мужи... каким бы эпитетом вас почтить? Ах да, конечно: мужи глупейшие! Ибо какое более почетное прозвище может даровать богиня Глупость сопричастникам ее таинств? Но поскольку далеко не всем известно, из какого рода я происхожу, то и попытаюсь изложить это здесь, с помощью Муз. Родителем моим был не Хаос, не Орк, не Сатурн, не Иапет и никто другой из этих обветшалых, полуистлевших богов, но Плутос, который, не во гнев будь сказано Гомеру, Гесиоду и даже самому Юпитеру, есть единственный и подлинный отец богов и людей. По его мановению в древности, как и ныне, свершалось и свершается все – и священное и мирское. От его приговоров зависят войны, мир, государственная власть, советы, суды, народные собрания, браки, союзы, законы, искусства, игрища, ученые труды... – вот уж и дыхания не хватает, – коротко говоря, все общественные и частные дела смертных. Без его содействия всего этого племени поэтических божеств – скажу больше: даже верховных богов – вовсе не было бы на свете или они прозябали бы самым жалким образом. На кого он прогневается, того не выручит и сама Паллада. Напротив, кому он благоволит, тому и дела нет до Юпитера с его громами. Вот каков мой отец. И породил он меня не из головы своей, как некогда Юпитер эту хмурую, чопорную Палладу, но от Неотеты,

самой прелестной и веселой из нимф. И не в узах унылого брака, как тот хромой кузнец, родилась я, но – что не в пример сладостнее – от вождения свободной любви, пользуясь словами нашего милого Гомера. И сам отец мой, должно вам знать, был в ту пору не дряхлым полуслепым Плутосом Аристофана, но ловким и бодрым, хмельным от юности, а еще больше – от нектара, которого хлебнул он изрядно на пиру у богов.

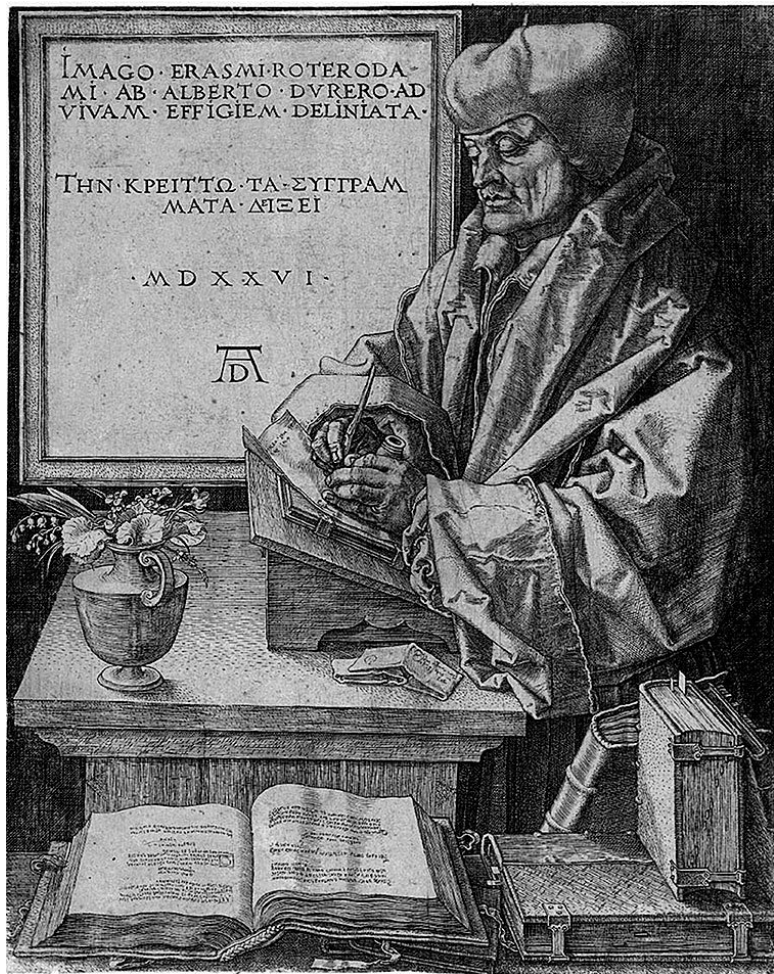
Глава VIII

Если вы спросите о месте моего рождения, – ибо в наши дни благородство зависит прежде всего от того, где издал ты свой первый младенческий крик, – то я отвечу, что не на блуждающем Делосе, и не среди волнующегося моря, и не под сенью пещеры родилась я, но на тех Счастливых островах, где не сеют, не пашут, а в житницы собирают. Там нет ни труда, ни старости, ни болезней, там на полях не увидишь асфоделей, мальв, морского луку, волчцов, бобов и тому подобной дряни, но повсеместно глаза и обоняние твои ласкают молий, панацея, непента, майоран, бессмертники, лотосы, розы, фиалки и гиацинты, достойные садов Адонисовых. Рожденная среди этих усад, не с плачем вступила я в жизнь, но ласково улыбнулась матери. Право, не завидую я вышнему Крониду, вскормленному козой, – ведь меня питали своими сосцами две прелестные нимфы – Метэ, рожденная Вакхом, и Апедия, дочь Пана.

Обеих вы видите в толпе моих спутниц и наперсниц. А если вам угодно знать имена всех прочих, то – клянусь Гераклом! – я назову их не иначе, как по-гречески.

Глава IX

Вот эта, с горделиво поднятыми бровями, – Филавтия. Та, что улыбается одними глазами и плещет в ладоши, носит имя Колакии. А эта, полусонная, словно дремлющая, зовется Летой. Эта, что сидит со сложенными руками, опершись на локти, – Мисопония. Эта, увитая розами и опрысканная благовониями, – Гедонэ. Эта, с беспокойно блуждающим взором, называется Анойя. Эта, с лоснящейся кожей и раскормленным телом, носит имя Трифэ. Взгляните еще на этих двух богов, Замешавшихся в девичий хоровод: одного из них зовут Комос, а другого – Негретос Гипнос. С помощью этих верных слуг я подчиняю своей власти весь род людской, отдаю повеления самим императорам.

IMAGO ERASMI ROTERODAMI
AB ALBERTO DVREO AD
VIVAM EFFIGIEM DELINIATA.

ΤΗΝ ΚΡΕΙΤΤΟΤΑ ΣΥΓΓΡΑΜΜΑΤΑ
ΑΙΕΙ

· M D X X V I ·

A

Портрет Дезидерия Эразма Роттердамского. Альбрехт Дюрер. Нюрнберг. Германия

Глава X

Теперь вы знаете, каков мой род, каково воспитание и какова свита. Дабы не подумал никто, будто я без должного права присвоила себе звание богини, внимайте, наострив уши, какими благами одаряю я богов и людей и как широко простирается моя божественная сила.

Если не зря написал некто, что быть богом – значит помогать смертным, и ежели по заслугам допущены в верховное собрание богов те, кто ввел в употребление хлеб, вино и прочие полезные вещи, то почему бы и мне не именоваться альфой в алфавите богов, поскольку я щедрее всех?

Глава XI

Прежде всего – что может быть слаще и драгоценней самой жизни? Но кому обязаны вы возникновением ее, если не мне? Ведь не копьё Паллады, дщери могучего отца, и не эгида тучегонителя Зевса производят и умножают род людской. Воистину, сам отец богов и владыка людей, сотрясающий Олимп единым своим мановением, откладывает порою в сторонку трезубые свои молнии и обличье титана, столь страшное небожителям. Волей-неволей напяливает он, подобно актеру, чужую личину, когда овладевает им столь привычное для него желание делать детей. Стоики полагают, что они всего ближе к богам. Но дайте мне тройного, четверного, дайте, если угодно, тысячекратного стойка, – я докажу, что и ему придется в подобном случае отложить в сторону если не бороду, знамя мудрости, общее, впрочем, с козлами, то свою хмурую важность и свои твердокаменные догматы, придется расправить морщины на лбу и покориться сладостному безумию. Утверждаю, что ко мне, лишь ко мне одной, должен будет взывать этот мудрец, ежели только возжелает стать отцом. Впрочем, почему бы мне, по обычаю моему, не изъясниться еще откровеннее? Скажите, пожалуйста, разве голова, лицо, грудь, рука, ухо или какая другая часть тела из тех, что слывут добропорядочными, производит на свет богов и людей? Нет, умножает род человеческий совсем иная

часть, до того глупая, до того смешная, что и поименовать-то ее нельзя, не вызвав общего хохота. Таков, однако, источник, более священный, нежели числа Пифагоровы, и из него все живущее получает свое начало. Скажите по совести, какой муж согласился бы надеть на себя узду брака, если бы, по обычаю мудрецов, предварительно взвесил все невыгоды супружеской жизни? Какая женщина допустила бы к себе мужа, если бы подумала и поразмыслила об опасностях и муках родов и о трудностях воспитания детей? Но если жизнью мы обязаны супружеству, а супружеством – моей служанке Анойе, то сами вы понимаете, в какой мере являетесь моими должниками. Далее, какая женщина, единожды попробовавшая рожать, согласилась бы повторить этот опыт, если бы не божественная сила спутницы моей Леты? Не во гнев будь сказано Лукрецию, сама Венера не посмеет отрицать, что без моей чудесной помощи все ее могущество не имело бы ни силы, ни действия. Итак, только благодаря моей хмельной и веселой игре рождаются на свет и угрюмые философы, чье место в наши дни унаследовали так называемые монахи, и порфиноносные государи, и благочестивые иереи, и трижды пречистые первосвященники, а за ними и весь этот рой поэтических богов, до того многочисленный, что самый Олимп, сколь он ни обширен, едва может вместить такую толпу.

Глава XII

Но мало того что во мне вы обрели рассадник и источник всяческой жизни: все, что есть в жизни приятного, – тоже мой дар, и я берусь вам это доказать. Чем была бы земная наша жизнь, и вообще стоило ли бы называть ее жизнью, если б лишена была наслаждений? Вы рукоплещете? Я так и знала, что никто из вас не настолько мудр или, лучше сказать, не настолько глуп, нет – именно не настолько мудр, чтобы не согласиться с моим мнением. Сами стойки отнюдь не отворачиваются от наслаждений. Лицемеря и клеймя наслаждение перед грубой толпой, они просто хотят отпугнуть других, чтобы самим вольготнее было наслаждаться. Но пусть ответят они мне ради Зевса: что останется в жизни, кроме печали, скуки, томления, несносных доук и тягот, если не примешать к ней малую толику наслаждения, иначе говоря, если не сдобрить ее глупостью? Ссылаюсь на свидетельство прославленного Софокла, который воздал мне следующую красноречивую хвалу:

Блаженна жизнь, пока живешь без дум.

Попытаемся, однако, рассмотреть этот предмет более обстоятельно.

Глава XIII

Прежде всего, кому не известно, что первые годы – самый приятный и веселый возраст в жизни человека? Детей любят, целуют, ласкают, даже враг-чужеземец готов прийти к ним на помощь. Чем объяснить это, если не тем, что мудрая природа окутала младенцев привлекательным покровом глупости, который, чаруя родителей и воспитателей, вознаграждает их за труды, а малюткам доставляет любовь и опеку, для них необходимые.

За детством следует юность. Кому она не мила, кто к ней не благоволит, кто не стремится помочь ей, кто не протягивает ей дружелюбную руку? Но в чем, спрошу я, источник очарования юности, если не во мне? Чем меньше умничает мальчик по моей милости, тем приятнее он всем и каждому. Разве я лгу, утверждая, что люди, по мере того как они становятся старше и начинают умнеть благодаря собственному опыту и воспитанию, понемногу теряют свою привлекательность, проворство, красоту и силу? Чем более удаляется от меня человек, тем меньше остается ему жить, пока не наступит наконец тягостная старость, ненавистная не только другим, но и самой себе. Никто из смертных не вынес бы старости, если б я не сжалилась над несчастными и не поспешила бы на помощь. Подобно тому как у поэтов боги, видя,

что человек готов расстаться с жизнью, стараются облегчить его участь посредством какой-нибудь метаморфозы, так и я, по мере возможности, возвращаю к детству тех, кто стоит уже на краю могилы. Недаром про дряхлеющих старцев говорят в народе, будто они впали во второе детство. Если кто спросит, каким способом произвожу я подобное превращение, то это не тайна. Я веду старцев к истоку Леты, берущей свое начало на Счастливых островах (лишь узким ручейком струится она затем вдоль Подземного царства), и там, испив влаги забвения, они понемногу смывают с души своей все заботы и набираются новых сил. О них говорят, будто выжили они из ума и несут вздор... Тем лучше! Это и означает, что они снова стали детьми. Быть ребенком и нести вздор – разве это не одно и то же? Разве не больше других веселится в этом возрасте тот, кто поглупее? Кому не мерзок и не кажется чудовищем мальчик с умом взрослого человека? Пословица недаром гласит:

Ненавижу я мальчишек, зрелых преждевременно.

И кто согласится водить знакомство со стариком, который, наряду с приобретенной за долгие годы опытностью, сохранил полностью силу духа и остроту ума? Лучше уж ему, право, стать дураком по моей милости. Это избавит его от тяжких забот, которые терзают мудреца. Благодаря мне он еще считается недурным собутыльником. Он не испытывает

пресыщения жизнью, столь мучительного в более молодом возрасте. Когда он, по примеру старичка, выведенного Плавтом, пожелает вспомнить коротенькое словечко: ЛЮБЛЮ, он будет несчастнейшим из людей, ежели сохранил свой ум. А между тем по моей милости он счастлив, приятен друзьям и может порою принять участие в веселой беседе. Из уст его, как у Гомерова Нестора, струится речь слаще меда, в то время как Ахилл изливает свою злобу в желчных словах. У того же Гомера старики беседуют, сидя на городской стене, и голоса их поэт сравнивает с шелестом лилий. В этом отношении старость стоит даже выше младенчества, без сомнения сладостного, но бессловесного, лишенного приятнейшей из житейских утех – мирной болтовни. Прибавьте к этому, что старики очень любят детей, а дети легко привязываются к старикам.

Сходные вещи сближать привыкли великие боги.

Да и в самом деле, какая разница между стариком и ребенком, если не считать того, что первый изборожден морщинами и насчитывает больше дней от рождения? Те же белые волосы, беззубый рот, малый рост, пристрастие к молоку, косноязычие, болтливость, бестолковость, забывчивость, опрометчивость. Коротко говоря, они во всем подобны друг другу. Чем более стареют люди, тем ближе они к детям, и, наконец, словно настоящие младенцы, не испытывая отвра-

щения к жизни, не сознавая смерти, уходят они из мира.

Эразм Роттердамский. Ганс Гольбейн (Младший). 1523 г.

Глава XIV

Теперь пусть всякий, кто захочет, сравнит мои благодеяния с метаморфозами, совершавшимися по манию других богов. Не стоит вспоминать здесь, что творят они в порыве гнева, – ведь даже тех, к кому они особенно благосклонны, эти боги превращают в дерево, в птицу, в цикаду и даже в змею. Как будто лишиться образа своего не значит погибнуть! Я же, оставив человека самим собою, лишь возвращаю его к лучшей и счастливейшей поре жизни. Если бы смертные удалялись от всякого общения с мудростью и проводили всю жизнь свою в моем обществе, не было бы на свете ни одного старца, но все наслаждались бы вечной юностью. Взгляните на этих тощих угрюмцев, которые предаются либо изучению философии, либо иным трудным и скучным занятиям. Не успев стать юношами, они уже состарились. Заботы и непрерывные упорные размышления опустошили их души, иссушили жизненные соки. А мои дурачки, напротив того, – гладенькие, беленькие, с холеной шкуркой, настоящие акарнанские свинки, никогда не испытают они тягот старости, ежели только не заразятся ею, общаясь с умниками. Не дано человеку быть всегда и во всем счастливым. Недаром, однако, учит нас народная пословица, что одна только глупость способна удержать быстро бегущую юность и отдалить постылую старость. Правильно также говорят о брабантцах,

что они чем старше, тем глупее, в отличие от прочих людей, которые умнеют с годами. А между тем нет народа, с которым приятнее было бы иметь дело и который менее чувствовал бы печальное бремя старости.

По месту жительства и по обычаям всего ближе к брабантам мои голландцы. Почему бы, в самом деле, и не назвать их моими? Ведь они столь ревностные мои последователи, что заслужили достойное их крылатое прозвище, которого они не только не стыдятся, но коим даже хвастаются с великой охотой!

Пусть же теперь одураченные смертные отправляются к Медеям, Цирцеям, Венерам, Аврорам и отыскивают неведомый источник, который возвратит им утраченную юность – я, только я одна могу сделать это и всегда делаю. У меня хранится тот чудодейственный сок, посредством которого дочь Мемнона возвратила молодость своему деду Тифону. Я – та Венера, по чьей милости Фаон так помолодел, что в него влюбилась Сафо. Мне принадлежат колдовские травы (если они вообще существуют), мне ведомы волшебные заклинания, под моей властью пребывает тот источник, который не только возвращает вам потерянную юность, но – что еще лучше – делает ее вечной. И если все вы согласны, что ничего нет на свете лучше молодости и ненавистнее старости, то, разумеется, вам должно быть ясно, сколь много вы обя-

заны мне, сохраняющей такое великое благо и преграждающей путь такому великому злу.

Глава XV

Но что говорить о смертных? Обыщите все небо, и пусть имя мое будет покрыто позором, если вы найдете хоть одного порядочного и приятного бога, который обходился бы без моего содействия? Почему, например, Вакх вечно юн и кудряв? Да потому, что он кутила и пьяница, проводит жизнь свою в пирах, плясках, пении и играх и никогда не связывается с Палладой. До того чужды ему всякие помыслы о славе мудреца, что он радуется, когда ему служат со смехом и шутками. Ему не в обиду пословица, которая нарекла его болваном или, точнее говоря, огородным чучелом. А чучелом его прозвали за то, что, когда он сидит у ворот своего храма, земледельцы для потехи обмазывают ему лицо спелыми смоквами и виноградным соком. Каких только шуток не отпускает на его счет древняя комедия! Вот, говорят, дурацкий бог – недаром из бедра на свет вышел. И, однако, кто не предпочел бы участь этого болвана и дурня, вечно веселого, вечно юного, всюду влекущего за собою забавы и игры, жребию грозного для всех тайнодумца Юпитера, или Пана, наводящего ужас своими воплями, или осыпанного золою, грязного от кузнечной работы Вулкана, или даже Паллады с ее страшной Горгоной, с ее копьем и неизменно свирепым взором? Почему Купидон – вечно дитя? Почему? Не потому ли, что он, неисправимый повеса, ни о чем серьезном и не

помышляет? Почему златоликая Венера вечно цветет красотою? Потому только, что она мне сродни и золотистым цветом лица недаром напоминает моего родителя; по этой причине Гомер и прозвал ее Золотой Афродитой. К тому же она всегда смеется, если верить поэтам и их соперникам – ваятелям. Какое божество чтили римляне усерднее, нежели Флору, мать всех наслаждений?

Впрочем, если проследить у Гомера и других поэтов жизнь даже самых хмурых и степенных богов, то и здесь окажется, что все исполнено глупости. Не говоря уже о прочих богах, вам ведь известны проделки и любовные шашни самого громовержца Юпитера. А эта суровая Диана, которая забыла свой пол в трудах охоты, а между тем сходила с ума по Эндимионе! Пусть лучше боги, однако, послушают о своих проказах от Мома, как нередко доводилось им встарь. Но они недавно разгневались и сбросили его на Землю вместе с Атой за то, что он своим благоразумием нарушал их блаженство. А теперь никто из смертных не оказывает гостеприимства изгнаннику, в особенности нет ему приюта во дворцах государей, где в чести моя милая Колакия, у которой с Момом столько же согласия, сколько у волков с ягненком. После изгнания Мома тем свободнее и веселее дурачатся боги, не страшась сурового цензора, – поистине с легким сердцем, как говорит Гомер. Каких только шуток не откальывает этот деревянный затейник Приэп? На какие выдумки не пускается вороватый Меркурий? Даже сам хромоногий Вулкан валяет дурака на пирах у богов и своей неуклюжей поступью, остротами да прибаутками потешает сотрапезников. А там и старец Силен, любитель кордака, пускается в пляс; рядом с ним Полифем танцует третанеллу, а нимфы – бо-соножку, козлоногие же сатиры представляют Ателланские фарсы. Пан какой-нибудь безвкусной и грубой песенкой вызывает всеобщий смех. Боги слушают его охотнее, нежели

Муз, особливо когда упьются нектаром. Не знаю, стоит ли вообще вспоминать здесь о том, как ведут себя после пира пьяные боги? До того глупо, что, клянусь Гераклом, я сама подчас помираю со смеху. Однако не лучше ли последовать примеру молчальника Гарпократа, дабы не подслушал какой-нибудь бог-соглядатай, как ведем мы здесь речи, которые и Мому не прошли бы даром.

Глава XVI

Но уже настало для нас время по примеру Гомерову, покинув небожителей, снова спуститься на землю; а на земле мы не найдем ни веселья, ни счастья, которые не были бы моими дарами. Посмотрите, во-первых, с какой прозорливостью чадолюбивая и благосклонная к человеку природа хлопочет о том, чтобы нигде не было недостатка в приправе Глупости. Согласно определению стоиков, быть мудрым – это не что иное, как следовать велениям разума, а глупым – внушению чувств, и дабы существование людей не было вконец унылым и печальным, Юпитер в гораздо большей мере одарил их чувством, нежели разумом: можно сказать, что первое относится ко второму, как унция к грану. Сверх того, он Заточил разум в тесном закутке черепа, а все остальное тело обрек волнению страстей. Далее, он подчинил его двум жесточайшим тиранам: во-первых, гневу, засевшему, словно в крепости, в груди человека, в самом сердце, источнике нашей жизни, и, во-вторых, похоти, которая самовластно правит нижней половиной, до признака зрелости. Насколько силен разум против этих двух врагов, достаточно обнаруживает повседневная жизнь: пусть его вопит до хрипоты, провозглашая правила чести и добродетели, – бунтовщики накидывают своему царю петлю на шею и поднимают такой ужасный шум, что он, в изнеможении, сдается и на все изъ-

являет свое согласие.

Глава XVII

Мужчины рождены для дел правления, а потому должны были получить несколько лишних капелек разума, необходимых для поддержания мужского достоинства; по этому случаю мужчина обратился ко мне за наставлением – как, впрочем, он поступает всегда, – и я тотчас же подала ему достойный совет: сочетаться браком с женщиной, скотинкой непонятливой и глупой, но зато забавной и милой, дабы она своей бестолковостью приправила и подсластила тоскливую важность мужского ума. Недаром Платон колебался, к какому разряду живых существ подобает отнести женщину, – разумных или неразумных, сомнением своим желая указать, что глупость есть неотъемлемое свойство ее пола. Если женщина даже захочет прослыть умной – как она ни бейся, окажется вдвойне дурой, словно бык, которого, рассудку вопреки, ведут на ристалище, – ибо всякий врожденный порок лишь усугубляется от попыток скрыть его под личиною добродетели. Правильно говорит греческая пословица: обезьяна всегда остается обезьяной, если даже облечется в пурпур; так и женщина вечно будет женщиной, иначе говоря – дурой, какую бы маску она на себя ни нацепила. И все же я не считаю женщин настолько глупыми, чтобы обидеться на мои слова, ибо я сама женщина и имя мое – Глупость. Ежели поразмыслить как следует, то ведь женщины обязаны мне тем, что они

несравненно счастливее мужчин. Начнем с внешней красоты, которую они справедливо ставят превыше всего на свете и с помощью которой самих тиранов подчиняют своей тирании. А с другой стороны, откуда взялась отталкивающая и дикая внешность мужчин, их волосатая кожа, их дремучая борода, весь этот облик преждевременного обветшания, откуда все это, если не от порока мудрости?! Между тем, пухлые щеки, тонкий голос и нежная кожа женщин вечно подражают юности. Далее, к чему стремятся женщины в этой жизни, как не к тому, чтобы возможно больше нравиться мужчинам? Не этой ли цели служат все их наряды, притирания, омовенья, дорогие безделушки, мази, благовония, раскрашенные лица, подведенные глаза, искусно увеличенные округлости? Чем привлекают они к себе мужчин, как не глупостью? Чего не позволяют им мужчины во имя сладострастия?! В глупости женщины – высшее блаженство мужчины. Этому, конечно, не станет прекословить тот, кто вспомнит, какую чушь привыкли нести мужчины в любовных беседах и каких только дурачеств они не совершают, лишь бы заставить женщину уступить их вожделению. Теперь вы видите, из какого источника проистекает любовь – первое и величайшее наслаждение в жизни.

Глава XVIII

Впрочем, многие мужчины, – и прежде всего старики, более пьяницы, чем женолюбы, – высшее блаженство полагают в попойках. Можно ли представить себе веселый пир, на котором отсутствуют женщины, об этом пусть судят другие, но совершенно несомненно, что без приправы Глупости нам ничто не мило. Это до такой степени справедливо, что во всех случаях, когда подлинная или притворная Глупость не потешает гостей, нарочно приглашают наемного шута или смешного блюдолиза, который забавными, или, говоря попросту, глупыми речами гонит прочь с попойки молчание и скуку. В самом деле, стоит ли обременять чрево всякой снедью, лакомствами и сладостями, если при этом глаза, уши и дух наш не услаждаются смехом, играми и шутками? А для десертов Этого рода я – незаменимая повариха. Кто установил все Застольные обряды – избрание короля пира по жребию, здравицы, питье вкруговую, пение с миртовой ветвью в руках, пляски, пантомиму, – не семь ли греческих мудрецов? Нет, не ими, а мною заведено все это для блага человеческого рода. Свойство этих обычаев таково, что чем больше в них глупости, тем полезнее они смертным, ибо если жизнь печальна, она не заслуживает даже названия жизни. А жизнь непременно будет Печальной, ежели не изгонять рожденную с нею вместе тоску подобного рода забавами.

Глава XIX

Но, быть может, найдутся среди вас люди, которые пренебрегают такими усадками и находят радость лишь в общении с друзьями, полагая дружбу наилучшей среди всех вещей и до того необходимой, что ни воздух, ни огонь, ни вода не могут с нею сравниться. По их мнению, лишиться дружбы все равно что лишиться солнца. Дружба, наконец, столь глубоко достойна уважения, что сами философы, если только позволительна на них здесь ссылаться, называют ее в числе величайших благ. А ну как я докажу, что именно я являюсь и кормою и носом корабля, доставляющего вам это великое благо? И докажу Это не крокодилитами, не соритами, не рогатыми силлогизмами и не какими-нибудь еще диалектическими хитросплетениями, а попросту, как говорится, ткну пальцем. Потакать слабостям своих друзей, закрывать глаза на их недостатки, восхищаться их пороками, словно добродетелями, – что может быть ближе к глупости? Когда влюбленный целует родимое пятнышко своей подруги, когда Бальбин восхищается бородавкой своей Агны, когда отец говорит про косоглазого сына, будто у того плутоватые глазки, – что это такое, как не чистейшей воды глупость? Да, конечно, трижды, четырежды глупость! – но она одна:

Соединяет друзей и дружбу хранит неизменно.

Я говорю о простых смертных, из коих ни один не рождается на свет без недостатков; у кого недостатков меньше, тот и лучше всех. Что же касается богоподобных этих философов, то в их сердце вовсе не бывает дружбы; а если и бывает, то какая-то пасмурная, лишенная всякой приятности, распространяющаяся лишь на немногих, ибо большинство людей глупы и всякий дурачится на свой лад, а сближение возможно только с себе подобными. Если между этими суровыми мужами и зародилось взаимное благоволение, то оно не бывает прочным и длительным; да это и понятно: ведь они – такие строгие, такие глазастые, на пороки друзей они зорки, «как орел или Змей Эпидаврский», а собственных пороков, словно котомки у себя за плечами, не видят. Такая уж у людей натура, что никто из них не бывает свободен от тяжких пороков. Прибавьте сюда разницу в годах и занятиях, промахи, ошибки, жизненные случайности и скажите: есть ли малейшая возможность для этих Аргусов вкушать сладость дружбы в течение хотя бы одного часа, ежели не придет к ним на помощь эвифия, как называют ее греки, а по-нашему глупость и легкомыслие? Да что там толковать! Сам Купидон, виновник и родитель всякого сближения между людьми, разве он не слеп, и разве не кажется ему безобразное прекрасным? То же бывает и с вами – каждый доволен своим: старичок боготворит свою старушку, а мальчишка – свою девчонку. Так происходит повсюду, и хоть над этим

смеются, но именно смешные повадки людей делают жизнь приятной и связывают общество воедино.

Глава XX

Сказанное о дружбе еще с большим правом применимо и к браку, который есть не что иное, как союз между двумя людьми на всю жизнь. Боже бессмертный, сколько было бы повсеместно разводов или чего другого похуже, если б мужья и жены не скрашивали и не облегчали домашнюю жизнь при помощи лести, шуток, легкомыслия, заблуждения, притворства и прочих моих спутников! Да и много ли вообще заключалось бы браков, если б жених благоразумно осведомлялся, какими играми еще задолго до свадьбы забавлялась эта столь деликатная и стыдливая на вид барышня? И сколь недолговечными были бы уже заключенные браки, если б деяния жен не оставались скрытыми вследствие беспечности или бестолковости мужей! Все это – заслуга Глупости, ее одну надо благодарить, если жена по-прежнему любезна мужу, муж любезен жене, если в доме царит мир и семейные связи не разрываются. Над рогоносцем смеются и какими только не чествуют его именами, когда он поцелуями осушает слезы прелюбодейки. Но насколько лучше так заблуждаться, нежели терзать себя ревностью, обращая жизнь свою в трагедию!

Глава XXI

Одним словом, без меня никакое сообщество, никакая житейская связь не были бы приятными и прочными: народ не мог бы долго сносить своего государя, господин – раба, служанка – госпожу, учитель – ученика, друг – друга, жена – мужа, квартирант – домохозяина, сожитель – сожителя, товарищ – товарища, ежели бы они взаимно не заблуждались, не прибегали к лести, не щадили чужих слабостей, не потчевали друг друга медом глупости. Сказанного, по-моему, вполне достаточно, но погодите, сейчас вы услышите кое-что поважнее.

Глава XXII

Как вы думаете, может ли полюбить кого-либо тот, кто сам себя ненавидит? Сговорится ли с другими тот, кто сам с собой в разладе? Какой приятности ждать от того, кто сам себе опостылел и опротивел? Никто, полагаю, не дерзнет утверждать, будто нечто подобное возможно, – разве что будет глупее самой Глупости. Попробуйте отвергнуть меня – и не только все прочие люди станут вам несносны, но и каждый из вас себе самому сделается мерзок и ненавистен. Природа во многих смыслах скорей мачеха, нежели мать: ведь наградила же она смертных, особенно тех, кто чуть-чуть поумней, печальной склонностью гнушаться своего и ценить чужое.

А из-за этого вся сладость, все обаяние жизни оскверняются и погибают. Какой толк от красоты, высшего дара бессмертных богов, если она поражена гнилью? Что пользы в юности, ежели к ней примешана закваска старческой печали? Каким образом можешь ты действовать и в своих и в чужих глазах изящно и благовидно (а благовидность – основа не одних только искусств, но и всех дел человеческих), ежели не явится тебе на помощь стоящая одесную меня Филавтия, которую я по заслугам считаю родной своею сестрой, – так ловко разыгрывает она повсюду мою роль. Что может быть глупее самовлюбленности и самолюбования? Но что изящ-

ное или приятное можешь ты сделать, ежели сам себе будешь в тягость? Отними у жизни эту приправу, и ледяным холодом встречен будет оратор со своей речью, никому не угодит своими мелодиями музыкант, освистана будет игра актера, осмеян заодно с Музами поэт, впадет в ничтожество с искусством своим живописец, отощает от голода, сидя на своих лекарствах, врач. Вместо Нирея ты увидишь Терсита, вместо Фаона – Нестора, вместо Минервы – свинью, вместо красноречивого оратора – бессловесного младенца, вместо франта – неотесанную деревенщину. Человек должен любоваться самим собой: лишь понравившись самому себе, сумеет он понравиться и другим. Наконец, высшее блаженство состоит в том, «чтобы желания твои совпадали с выпавшим тебе жребием», а в этом деле помочь может только моя Филавтия. Благодаря ей каждый бывает доволен своей внешностью, умом, происхождением, должностью, образом жизни и отечеством до такой степени, что ирландец не согласится поменяться с итальянцем, фракиец – с афинянином, скиф – с жителем Счастливых островов. Поразительна мудрость природы, которая при таком бесконечном разнообразии сумела всех уравнять! Если она кого и обделила своими дарами, то возмещает этот изъян усиленной дозой самодовольства, впрочем, прошу прощения за глупость: самодовольство как раз и является ее наилучшим даром. Смею сказать: ни одно великое дело не обошлось без моего внушения, ни одно благородное искусство не возникло без моего содействия.

Глава XXIII

Не война ли – рассадник и источник всех достохвальных деяний? А между тем что может быть глупее, чем вступать по каким бы то ни было причинам в состязание, во время которого каждая из сторон обязательно испытывает гораздо больше неудобств, нежели приобретает выгод? О тех, которые будут убиты, не стоит – как говорили когда-то о мегарцах – и распространяться. Но я спрашиваю вас: когда два войска, закованные в железо, стоят одно против другого и «Хриплым рокотом труб оглашается воздух», какой толк от этих мудрецов, истомленных учением, с разжиженной, холодной кровью в жилах? Здесь потребны силачи, здоровяки, у которых побольше отваги и поменьше ума. Кому нужен такой воин, как Демосфен, который, следуя совету Архилоха, бежал, бросив щит, едва завидел врагов, – прекрасный оратор, но никуда не годный воин! Говорят, однако, что в военном деле прежде всего потребен ум. Да, для вождей, и к тому же – ум военный, а вовсе не философский. А вообще-то война, столь всеми прославляемая, ведется дармоедами, сводниками, ворами, убийцами, тупыми мужланами, нерасплатившимися должниками и тому подобными подонками общества, но отнюдь не просвещенными философами.

Глава XXIV

Насколько философы непригодны для каждодневной жизни, тому пример сам Сократ, возведенный оракулом Аполлоновым в чин единственного в мире мудреца, – вот уж приговор, который мудрым никак не назовешь! Вздумалось как-то Сократу, уже не помню по какому случаю, выступить с публичной речью, и он вынужден был удалиться, всеми осмеянный. А ведь муж этот был до такой степени мудр, что даже отвергал звание мудреца, считая его приличным только самому богу, и учил, что умному человеку не подобает вмешиваться в государственные дела; лучше бы уж он посоветовал держаться подальше от мудрости всякому, кто хочет оставаться в числе людей. Что в самом деле, как не мудрость, привело его к осуждению и к чаше с цикутой? Ну да, ведь рассуждая об облаках и идеях, измеряя ножки блохи и умиляясь пению комара, он не успел научиться ничему имеющему отношение к обыденной жизни. Когда наставнику угрожала смертная казнь, его ученик Платон, преславный адвокат, запнулся на первой же фразе, смущенный шумом толпы. А что сказать о Теофрасте? Взойдя на ораторскую трибуну, он тотчас онемел, словно волка увидел. Исократ, воодушевлявший в своих писанных речах воинов накануне битвы, был так застенчив, что ни разу не решился рта раскрыть перед публикой. Марк Туллий, отец римского красноречия, когда

начинал говорить, тряся самым жалким образом, задыхаясь и всхлипывая, словно мальчишка, в чем Фабий видит доказательство добросовестного и сознательного отношения оратора к своей задаче. Однако, утверждая это, не признает ли он тем самым мудрость препятствием для достойного ведения тяжб? Что станется с нашими философами, когда в ход пойдет железо, раз они трепещут от страха даже в простом словесном бою? И после этого еще прославляют знаменитое изречение Платона: «Блаженны государства, в которых философы повелевают или властители философствуют». Справься у историков – и увидишь, что ничего не бывало для государства пагубнее, нежели правители, которые баловались философией или науками. Для примера здесь достаточно будет поименовать обоих Катонов, из коих один смущал спокойствие республики дурацкими доносами, а другой, с излишней мудростью защищая свободу народа римского, способствовал ее окончательному падению. Прибавьте сюда Брутов, Кассиев, Гракхов и даже самого Цицерона, который не меньше вреда принес республике Римской, нежели Демосфен – Афинской. Уж на что Марк Антонин, который, признаюсь, был хорошим императором, и то своей философией сделался всем в тягость и возбудил всеобщую ненависть. Он был человек добрый, но, оставив престол такому наследнику, как сын его Коммод, больше причинил государству вреда, нежели принес пользы всем своим управлением. Почему-то нет удачи людям, приверженным мудро-

сти, ни в одном из дел их, особливо же – в детях, как будто сама предусмотрительная природа заботится о том, чтобы болезнь мудрования не распространилась слишком широко. Известно, что сын Цицерона был настоящим вырожденком, а мудрый Сократ имел детей, более похожих на мать, чем на отца, иными словами, как правильно заметил некто, настоящих дураков.

Глава XXV

Однако пусть они даже будут не способны к общественным занятиям, как ослы к музыке, – это еще куда ни шло; но ведь от них и в повседневных житейских делах нет никакого проку. Допусти мудреца на пир – и он тотчас всех смутит угрюмым молчанием или неуместными расспросами. Позови его на танцы – он запляшет, словно верблюд. Возьми его с собой на какое-нибудь зрелище – он одним своим видом испортит публике всякое удовольствие; и придется мудрому Катону уйти из театра, если он не сможет хоть на время отложить в сторону свою хмурую важность. Если мудрец вмешается в разговор – всех напугает не хуже волка. Если надо что-либо купить, если предстоит заключить какую-либо сделку, если, коротко говоря, речь пойдет об одной из тех вещей, без которых невозможна наша жизнь, тупым чурбаном покажется тебе мудрец этот, а не человеком. Ни себе самому, ни отечеству, ни своим близким не может быть он ни в чем полезен, ибо не искушен в самых обыкновенных делах и слишком далек от общепринятых мнений и всеми соблюдаемых обычаев. Из такого разлада с действительной жизнью и нравами неизбежно рождается ненависть ко всему окружающему, ибо в человеческом обществе все полно глупости, все делается дураками и среди дураков. Ежели кто захочет один восстать против всей вселенной, я посоветую ему бежать, по

примеру Тимона, в пустыню и там, в уединении, наслаждаться своей мудростью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.